

Наталья Криницкая

Nataliya Krynytska/ Krinitskaya¹

Полтавский национальный

педагогический университет

имени В.Г. Короленко, Полтава (Украина)

nataliakrin@gmail.com

ORCID: [0000-0001-9591-542X](https://orcid.org/0000-0001-9591-542X)

DOI:

INTERNATIONAL
JOURNAL
OF SLAVIC STUDIES

TRANSGRESSIVE, PRAGMATIC
AND SPECULATIVE HORIZONS
OF POPULAR LITERATURE AND
CULTURE

Nr: 3 (2021)

e-ISSN 2658-154X

«The Wicked Witch of the East»:

Baba Yaga в современном американском фэнтези

«The Wicked Witch of the East»: Baba Yaga in Contemporary American Fantasy

Abstract

The paper observes the Slavic-inspired young adult fiction and fantasy that is a recent and unexplored phenomenon in the U.S. literature. The author focuses on Baba Yaga, a powerful witch and boogeyman from the Slavic folklore, and studies the sources about her and the interpretation of this ogress in Naomi Novik's novel *Uprooted*, Catherynne M. Valente's novel *Deathless* and Katherine Arden's *Winternight Trilogy*. For these writers, Yaga embodies feminine power, knowledge, true vision, intuition and magic. At the same time, these authors try to move away from the fabulous Baba Yaga, either bringing her closer to the goddess of nature (Novik), or socializing and caricaturizing as much as possible (Valente), or humanizing (Arden). All the main heroines of the considered works evolve from a "maiden in trouble" to a "warrior maiden" who is able not only to help herself, but also to save others. It is concluded that the image of the Yaga warrior could reflect the ancient

---

¹ Nataliya Krynytska is Associate Professor (Ph.D.) of the Germanic and Romance department at Poltava V. G. Korolenko National Pedagogical University, Ukraine. Her publications include textbooks on the history of English and on contemporary English-language literature and translations of fiction from Ukrainian into English and from English into Ukrainian. Her research interests cover English-language literature, science fiction, dystopia, and fantasy.

contacts of the Slavs, and, possibly, the Germans (Goths) with the Sarmatian or Greek women, the so called “amazons”, from the Black Sea or Azov coast. Accordingly, to a greater or lesser extent, the Slavic Yaga implements a feminist worldview, understandable to American readers, and acts as an assistant and a good advisor to the heroines on the path of their coming of age.

Keywords: Contemporary American fantasy, young adult fiction, Slavic motifs, Baba Yaga, feminism.

Ключевые слова:

Современное американское фэнтези, подростковая литература, славянские мотивы, Баба Яга, феминизм.

Славянские мотивы в современном американском фэнтези

В последние годы американских авторов фэнтези стала увлекать славянская тематика – здесь и роман Кэтрин Валенте «Бессмертный» (*Deathless*, 2011), и цикл Ли Бардуго «Вселенная Гриши» (*GrishaVerse*, 2012–2020), и роман Дж. Нелл Патрик «Царица» (*Tsarina*, 2014), и романы Наоми Новик «Чаща» (*Uprooted*, 2015) и «Зимнее серебро» (*Spinning Silver*, 2018), и трилогия Кэтрин Арден «Зимняя ночь» (*Winternight Trilogy*, 2017–2019), и дилогия Эмили А. Дункан «Жестокие святые» (*Wicked Saints*, 2019) и «Благословенные монстры» (*Blessed Monsters*, 2020). Первопроходцем в лесах славянского фэнтези стала Си Джей Черри с «Русской трилогией» (*The Russian Trilogy*, 1989–1991) – вероятно, в те годы интерес к восточнославянскому миру был связан с окончанием «холодной войны» и желанием увидеть человеческое в недавних врагах.

Изучение фантастических произведений, написанных неславянскими авторами на материале славянской истории и мифологии, представляется актуальным и необходимым – в первую очередь, в компаративистском плане, в частности, имагологическом – для развития взаимовосприятия, для возможности посмотреть на себя в зеркало – пусть даже кривое, в потоках «развесистой клюквы», для определения границы «русскости» (Russianness) в западном сознании – ведь для многих там мы все, живущие на территории бывшей Российской империи или СССР, – русские. Такие исследования перспективны и в социологическом аспекте (причины интереса к славянскому фольклору и истории), и в гендерном (факторы женского доминирования в американском славянском и псевдославянском фэнтези),

и в генологическом (изучение нового поджанра англоязычного фэнтези, преимущественно подросткового – young adult, YA), и в прагматически-рецептивном (анализ целевой аудитории этой литературы и восприятия таких произведений). Возможно, выбор писателями славянских мотивов частично объясняется тем, что восточноевропейский мир в Западном полушарии – *terra incognita*, непредсказуемая и опасная – что-то вроде Чащи у Новик или Каньона у Бардуго. К сожалению, большинство представителей западного мира настолько далеки от славянских реалий, что к каждой попытке иностранного автора обратиться к нашей истории или культуре мы относимся настороженно, понимая, что сейчас будет или больно, или обидно, или нелепо, или смешно, или все одновременно. Однако, есть приятные исключения, когда зарубежные авторы искренне пытаются проникнуть в глубину славянского мира, изучают его и любят: к примеру, Кэтрин Валенте помогал русский муж, Кэтрин Арден училась два года в Москве, а Наоми Новик с гордостью рассказывает о своих польских корнях.

На данный момент лишь отдельные публикации и комментарии в Сети освещают феномен западного фэнтези, вдохновленного славянским фольклором, историей и культурой. Тео Билета предлагает общий обзор произведений «Slavic-inspired fantasy» с краткими рецензиями², а Джил Мартинюк обобщает: «The key folkloric elements of these works are remarkably similar. Each features a young female protagonist with special abilities rooted in Russian folkloric or pagan beliefs. Each is set in a country at war with itself or a neighboring country. The young woman often finds herself charged with saving the country from destruction at the hands of some evil force. In accordance with what Vladimir Propp would have called the standard “morphology” of folkloric narrative, the protagonist often embarks on a hero’s journey to seek a specific person, object, or place that will offer her sufficient power or status to overcome the problem»³. Хотелось бы, чтобы и с нашей стороны океана было больше исследователей, поощряющих интерес американцев к славянскому культурному наследию, и в то же время корректирующих, помогающих избежать явных неточностей, для совершенствования этого поджанра в дальнейшем.

---

² https://www.tor.com/2020/05/07/an-insiders-guide-to-slavic-inspired-fantasy/?__cf_chl_jschl_tk__=pmd_M556U13jeNTgwp4Q4EsGT89RGgUU2JfWqY0z6_UOJU-1632812425-0-gqNtZGzNAhCjcnBszQnR

³ <https://jordandrussiacenter.org/news/vasilisa-visits-america-the-rise-of-slavic-folklore-inspired-young-adult-literature-in-the-u-s/#.YVIsF5hR1dg>

«Я фольклорный элемент, у меня есть документ»

В этой публикации мы попробуем рассмотреть образ Бабы Яги (варианты написания – Бабы-Яги, Бабы-яги и т.д.) в интерпретации Наоми Новик (роман «Чаша»), Кэтрин Валенте (роман «Бессмертный») и Кэтрин Арден (трилогия «Зимняя ночь»).

А.Н. Афанасьев, А.Н. Малаховская, В.Я. Петрухин, А.А. Потебня, В.Я. Пропп, Б.А. Рыбаков, Ю.С. Степанов, В.Н. Топоров, Andreas Johns, Benito Cereno и другие ученые посвятили интереснейшие работы этому персонажу. Наверное, у каждого из нас в детстве была своя Яга, преодоление страха перед которой стало необходимым этапом взросления, как и осознание, что Деда Мороза нет. Уже потом, вырастая, мы понимали, что это просто «фольклорный элемент», как шутил Леонид Филатов, или древний архетип (В.Я. Пропп выделял три вида Бабы Яги: дарительница, похитительница и воительница). Что Баба Яга не всегда отрицательный персонаж, а амбивалентный (по подсчетам Н.В. Новикова, в одной трети произведений зафиксирована ее положительная роль), не только «адская богиня» (М.Д. Чулков и М. М. Забылин), но и трикстер, и «повелительница зверей» (В.Я. Пропп, Б.А. Рыбаков). Что этот персонаж – рудимент матриархата в патриархальном обществе, где живущая на опушке леса пожилая знахарка воспринималась как непонятная, скорее злая сила. И что в древности бабки-повитухи спасали недоношенных деток в теплой печи, как в кувезе, для поддержания необходимой температуры тела. И что каннибализм, увы, имел место в истории человечества, но при этом каннибалами чаще были сильные мужчины, чем старые костлявые женщины. И что связь с миром мертвых, которую явно осуществляет Баба Яга (об этом писали В.Я. Пропп, Ю.С. Степанов и др.), – это и связь с прошлым, с предками, с нашими истоками. Тем не менее, что-то очень древнее и неизданное все еще таится в этом архетипе и ждет новых исследований.

Яга в романе Наоми Новик «Чаша»

Наиболее романтический атмосферный образ Яги наблюдаем у Наоми Новик в романе *Uprooted* (в русском переводе 2018 г. С.Б. Лихачевой – «Чаша», в украинском переводе 2018 г. М. Пухлий – «Ті, що не мають коріння»). Она ни разу не появляется в произведении, хотя время от времени упоминается как легендарная всемогущая ведунья, которую главная героиня Агнешка считает своей духовной наставницей, носительницей интуитивной женской магии: «Старая Яга умерла давным-давно, но песен про нее складывали мало, а барды пели их с опаской, и только летом, и только в полдень. Яга умерла и была погребена пять сотен лет назад, но это не помешало

ей объявиться в России каких-то сорок лет тому назад, на крестинах новорожденного принца. Она превратила в жаб шестерых стражников, которые попытались остановить ее, усыпила двух магов, а затем подошла к младенцу и, хмурясь, поглядела на него сверху вниз. Потом выпрямилась, раздраженно бросила: «Что-то я из времени выпала», — и исчезла в огромном облаке дыма»⁴.

Интересно, что эта Яга становится чуть ли не самым славянским элементом в романе. Хотя Новик пытается создать восточноевропейскую атмосферу с помощью антропонимов и топонимов, и потому в Польнии мы узнаем средневековую Польшу, в России – Древнюю Русь, чувствуется, что автор выросла преимущественно на западноевропейской и американской культуре, и в ее романе намного больше от Толкина и Ле Гуин, чем от славянского фольклора. Порой книга напоминает фэнтези Марины и Сергея Дяченко на славянской основе или «Ведьмака» Анджея Сапковского, но все же духовный компас Новик указывает на запад. Антропоморфный лес, жестоко мстящий людям за уничтожение, и героиня, способная слиться с природой, понять ее и исцелить – где-то мы все это уже читали. В послесловии автор даже объясняется перед читателями за использование имени Агнешка: «Имя взято из волшебной сказки «*Agnieszka Skrawek Nieba*» («Агнешка Лоскутик-Неба») в переложении чудесной Наталии Галчиньска: в детстве я без конца просила маму почитать мне про Агнешку. Главная героиня и ее непоседливая корова появляются здесь в небольшой эпизодической роли, а Чаща своими корнями уходит в густой дремучий las («лес» — польск.) из этой сказки»⁵. Осыпанное в США премиями произведение Новик пришлось по вкусу американским читателям, однако, судя по отзывам в Сети, вызвало критику носителей польской культуры за желание Новик втиснуть славянское в западный шаблон. Подобной редактуре Новик поддает и образ Яги: автор нигде не описывает внешность карги и намеренно забывает ее малоприятные свойства, известные в фольклоре (время от времени Новик намекает, что светлый образ лесной чародейки исказили напуганные ее магией мужчины-барды), превращая Ягу чуть ли не в богиню феминизма и экокритицизма, праматерь всех женщин. В финале книги Агнешка, постепенно исцеляющая зловещую Чащу, выходит к роскошной границе, где встречает одаренную магией девочку:

«— А как станешь постарше, отыщи меня. Я живу по ту сторону Чащи.

---

⁴ http://loveread.ec/read_book.php?id=77849&p=26

⁵ http://loveread.ec/read_book.php?id=77849&p=119

— Ты Баба-Яга? — с любопытством спросила она.

— Нет, — покачала я головой. — Но она мой хороший друг»⁶.

Теперь про саму Агнешку слагают песни: «В тех песнях, которые доходили из Польнии, обо мне рассказывалось много всякой неправды, невероятной и пугающей; я подозревала про себя, что самые вопиющие выдумки в мою часть долины барды нести опасаются... Но мне заметно полегчало: после встречи с девчушкой и ее коровой с плеч моих словно свалилась унылая серая тяжесть. Напевая дорожную песню Яги, я торопилась домой»⁷.

Председатель Яга в романе Кэтрин Валенте «Бессмертный»

Жанр романа *Deathless* (в русском переводе 2017 г. Владимира Беленковича «Бессмертный») Кэтрин Валенте (настоящее имя – Бетани Томас) характеризует как мифпанк. Это постмодернистское произведение, удивительно поэтичное, глубокое и ироничное. Что-то вроде московских глав «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова и «Пятидесяти оттенков серого» Э. М. Джеймс, написанных Анной Ахматовой и Николаем Клюевым. Заглавный герой романа – конечно же, Кощей, он же Костя, – мучительная вечная любовь главной героини Марьи Моревны, девушки из благородной петербургской семьи, которой суждено пережить революцию 1917 года, экспроприацию, голод, нищету и прочие прелести советской власти, и для которой ее Костя (Бессмертный – значит, Царь Жизни) становится спасителем и мучителем одновременно, увезя ее куда-то под Иркутск, в сказочный Буян (уже не остров). Если в Петербурге-Петрограде потустороннее видит лишь Марья Моревна, то Буян – территория сказки, вечного нарратива, Жизни, которая противостоит Смерти, Царем которой является Вий, брат-антипод Кощея. В серебристом мире Вия все почти так же, как и в мире живых, только это лишь копия настоящего мира, лишенная живой энергии.

История России с начала и до 50-х годов XX века передается Валенте сквозь магический кристалл фольклора и литературы, где потусторонний сказочный мир живет вместе с народом, заражается от советской власти бюрократизмом, насилием и абсурдом и разделяет всю боль израненной огромной страны. За страницы о блокаде Ленинграда, где русалки и домовые умирают вместе с людьми, автор заслуживает глубокое уважение и благодарность – ТАК написать мог лишь человек, для которого

---

⁶ http://loveread.ec/read_book.php?id=77849&p=117

⁷ Там же.

эта история стала родной. Но эта история в романе не линейна, а циклична, поскольку прямая становится кругом во вневременном мире фольклора, жизнеобразующего нарратива. Вот что говорит Ивану за минуту до встречи с Марьей вещая птица Гамаюн: «Вспомни, как твоя матушка рассказывала тебе сказки у печки. Ты их слышал сотни раз... Ты знал, чем все закончится, но ты все еще хотел слушать, как мать тебе читает, изображая добрым голосом, как страшно рычит волк. Если бы она рассказывала их по-другому, то в них все не происходило бы так, как уже произошло. И все же она должна была их рассказывать, чтобы сказка продолжалась... Все это еще должно случаться, чтобы случиться. Ты уже вошел в ту палатку. Ты уже расстался с ней. Ты уже потерял ее. Ты бы мог рассказать свою историю по-другому в этот раз, я полагаю. Но ты не расскажешь. Тебя всегда будут звать Иван Николаевич. Ты всегда будешь входить в эту палатку. Ты будешь видеть ее шрам под глазом все на том же месте и гадать, где она его заполучила. Ты всегда будешь дивиться, как у одной женщины может быть столько черных волос. И ты всегда будешь влюбляться, да так быстро, будто тебе по горлу полоснули. Ты всегда будешь убегать с ней. Ты вечно будешь терять ее. Ты всегда будешь дураком. Ты вечно будешь мертвым в ледяном городе, а снег будет падать на твое ухо. Ты все это уже сделал и сделаешь это снова. Я здесь только для того, чтобы удостовериться, что все так и случилось»⁸.

В этом произведении Баба Яга, бессмертная сестра Кощея, настоящее имя которой – Ночь, скорее трикстер. Это смесь сказочной Бабы Яги, ведьмы из «Вия» Николая Гоголя (езда ведьмы верхом на человеке – преимущественно украинский фольклорный мотив) и прокуренной пропитой циничной эмансипированной комиссарши (ее именуют «председатель Яга»). Яга летает на ступе и передвигается на черной машине на куриных ногах. Ее появление даже в сказочном Буяне вызывает страх: «Внезапно кафе замолкло до совершенной, полной тишины – ни малейший звон тарелки или упавшей чашки не нарушал ее. По ощетилившейся коже стен побежали мурашки, как только широкогрудая женщина с носом топориком шагнула в зал. Ее шея была укутана воротником черной шубы, а седые волосы стянуты назад в болезненно тугий узел. Она посмотрела налево, потом направо, потом, будто старая толстая ворона на ветке, остановила взгляд на Марье Моревне...

– Так это ты, значит, – прорычала старуха, ощерясь с набитым ртом. Она сохранила все до единого зубы, острые и желтые, как у льва.

---

⁸ http://loveread.ec/read_book.php?id=72381&p=38

– Я не уверена, что понимаю вас, – тихо ответила Марья Моревна. Старуха излучала могущество: живот Марьи сжался, как от удара»⁹.

Тут Яга, как и во многих сказках, связана с ритуалом инициации: лишь выполнив три ее задания, Марья Моревна может стать официальной женой Кощея, в противном случае будет съедена зловредной золовкой. Яга 17 раз была замужем, танцевала на гробу Ленина, презирает и мужчин, и зависимых от них глупых женщин. Если рассматривать роман Валенте как метафору супружеской жизни, где главное – «кому водить», где любовный треугольник: Марья Моревна, Кощей (ее потусторонняя любовь) и Иван (ее земная любовь) – изображен на фоне «века-волкодава», то Баба Яга здесь выполняет роль «духовного авторитета», всеведущей советчицы. Она грубо и язвительно обучает Марию выживать в супружестве: «Но замужество – это война, и ты делаешь то, что должна делать, чтобы выжить, – потому что выживет только один из вас»¹⁰. Третье задание Яги – приручить и оседлать ее живую ступу с пестиком – имеет явный фрейдистский смысл: ступа символизирует влагалище, пестик – пенис, а сидя на пестике в ступе Марья (как это делает Баба Яга) и грубо повелевая ею, героиня покоряет их обоих, то есть, став доминантной самкой, она как бы превращается в самца, которому подвластна самка-ступа. Баба Яга и является таким доминантом, она учит Марию Моревну, поэтичную тихую девушку, которую травили в советской школе, выживаемости, и героиня, как и предназначено ей в сказке, становится воительницей – сначала командующей воинства Жизни против Смерти, потом, после прорыва блокады Ленинграда, – снайпером и генерал-майором Советской армии.

В конце книги и, возможно, своей земной жизни, Марья снова оказывается под Иркутском, в месте, отдаленно похожем на Буян, но где ее никто, кроме Яги (теперь это кухарка из местного кафе) не помнит. Марья с ужасом понимает, что Вий победил, что теперь все смертны, а она находится в его царстве: «Мы проиграли. В конце концов Германия и усатый волшебник в Москве, о котором я говорила им много лет назад, вместе съели нас живыми. Мертвые сокрушили нас. Пока мы считали продуктовые карточки, Буян, Ленинград и Москва съезжились и улетучились... Страна Кощея стерта с лица земли... Мы все мертвые. Все равны. Сломанные и бесцельные и верящие, что мы живы. Это Россия и это 1952-й. Что еще ты назвала бы адом?»¹¹. И в этой

---

⁹ http://loveread.ec/read_book.php?id=72381&p=21

¹⁰ http://loveread.ec/read_book.php?id=72381&p=30

¹¹ http://loveread.ec/read_book.php?id=72381&p=76

безнадежности Яга – некий статус-кво волшебного мира – снова помогает Марье, указывая путь в подвал разрушенного дома, где ее ждет Кощей. Который все-таки бессмертный, который всегда умирает и всегда возвращается, а жизнь и сказка продолжают... И до смерти Сталина осталось немного... Порой кажется, что роман Валенте написан русским автором, и лишь хвостик опоссума у петроградского домового напоминает нам, что автор – американка.

Прабабушка Яга в трилогии Кэтрин Арден «Зимняя ночь»

«Зимняя ночь» (*Winternight Trilogy*) Кэтрин Арден (полное имя – Кэтрин Арден Бурдин) тоже написана с любовью к русской истории и фольклору. В трилогию входят романы *The Bear and the Nightingale* (2017, в русском переводе 2018 г. Т.Л. Черезовой «Медведь и Соловей»), *The Girl in the Tower* (2017, в русском переводе 2019 г. Ю. Гиматовой «Девушка в башне») и *The Winter of the Witch* (2019, «Ведьмина зима», литературного перевода пока нет). Трилогия напоминает, в частности, квазисторию Андрея Валентинова «Ория», где языческие боги упорно сопротивляются забвению. В «Зимней ночи», зерном которой стала сказка «Морозко», потусторонний мир изображен как неотъемлемая часть Русской земли, а все попытки христианства уничтожить его ведут к упадку и гибели – новые святые еще не способны помочь и защитить, а старые домовые и прочие духи, лишённые веры людей и их подношений, угасают. Чем дальше от Москвы, от звона церковных колоколов, тем богаче волшебный мир.

Это героическое подростковое фэнтези на материале средневековой Руси, главная героиня которого – Василиса, Вася, – яркая, самобытная, наделенная даром видеть и слышать волшебный мир, спасающая сначала свою деревню, потом Москву, а потом и всю Русь от зла в разных формах. В первой книге – это пробуждение одноглазого чудовища Медведя в лесу возле имения отца Василисы. Наблюдаем у Арден инверсию пары Валенте «Кощей – Вий»: тут Медведь – Царь Жизни (хаоса), некромант, который способен собрать всех покойников и недовольных людьми духов против живых, а его брат Морозко – Царь Смерти (холода), честный и справедливый, главный помощник, а затем и возлюбленный Василисы. Оба брата образуют хрупкий природный баланс, который нарушают фанатично верующие христиане вроде мачехи Василисы или священника Константина, ставшего для героини влюбленным гонителем, как Клод Фролло для Эсмеральды в «Соборе Парижской Богоматери» Гюго.

Во второй книге Василиса, которой приходится переодеться юношей, противостоит Кощей (Касьяну Лютовичу), могущественному магу, вступившему

в сговор с татарами для завоевания Москвы. Как клубок пряжи, читатель постепенно распутывает историю происхождения Василисы, мать которой, Марина, умерла во время родов. Тайна проясняется лишь в третьей книге: Василиса – правнучка Бабы Яги, живущей в волшебном мире в избушке под дубом у озера, где пасется табун лошадей-птиц. Для людей Яга умерла давным-давно, но она лишь закрыла все пути в свой мир, куда можно попасть только в Полночь. Арден описывает и длинные ногти, и скрюченные ноги Яги, но выглядит она не страшно, а устало – это могучая одинокая старуха, которую давно бросили ее дочери-близнецы от Черномора, Морского царя, – Тамара (бабушка Василисы) и Варвара, живущая до сих пор среди людей. Тамара сбежала с Кощеем, потом стала московской царицей, задыхаясь в праздности и серости жизни взаперти. Ее дочь, Марина, была счастливее, уехав с мужем в деревню, ближе к природе. Когда Василиса узнает прабабушку, та не подтверждает, что именно она – Баба Яга: «Разные ведьмы были вплетены в одну сказку. Может, я одна из них... — Но, — уже мягче продолжила старушка, — у меня теперь есть новая наследница. Я знала, что ты однажды придешь. Ты можешь говорить с лошадьми, ты пробудила домовую огнем, ты пережила багинника. Ты не предашь меня. Ты будешь жить в доме у дуба, а я буду приходить каждую полночь и учить тебя всему, что знаю. Как управлять чертями. Как оберегать своих. Ты не хочешь узнать такое, бедная девочка с обожженным лицом?

— Да, — сказала Вася, — я хочу это знать.

Женщина отклонилась с довольным видом»¹².

Баба Яга в «Ведьминой зиме», как и в «Чаще», является носителем истинно женской магии, она знает, что в мире людей ее наследниц ждут гонения и костер, в лучшем случае – терем или монастырь, а Яга предлагает им защиту в своем заповедном мире и не понимает, зачем Василиса снова рвется спасти людей, которые причинили ей много горя, или участвовать в мужском противоборстве Царя Жизни и Царя Смерти. Одобрение Яги Василиса заслуживает лишь когда начинает объединять всю Русь, и людей, и чертей, против захватчиков-татар. Кульминацией книги становится Куликовская битва, перед которой побеждает татарина в поединке и умирает от ран старший брат Василисы священник Александр Пересвет – тоже правнук Бабы Яги, да и в жилах победителя битвы князя Дмитрия течет ее кровь.

---

¹²https://lovetreenovels.com/MostPopular/The_Winter_of_the_Witch__Winternight_Triology__3_/page_39.html

Наряду с демонами хаоса и холода, Яга у Арден становится древним стражем русской земли, о чем автор пишет в послесловии.

Выводы

Подведем итоги изучения образа Бабы Яги в произведениях Новик, Валенте и Арден. Для каждой из писательниц она действительно воплощает женскую силу, знания, истинное видение, интуицию и магию (недаром во многих индоевропейских языках слова ведьма, відьма, wiedźma, ведать, видеть, віки, віч-на віч, witch, wise, wisdom, wizard, wit и т.д., связанные со знанием, мудростью, видением, колдовством, имеют общее происхождение). При этом указанные авторы пытаются отойти от шаблона сказочной Бабы Яги, или приближая ее к богине (Новик), или максимально социализируя и карикатурируя (Валенте), или очеловечивая (Арден). Яга существует вне времени и пространства, в вечном «здесь и сейчас» мифа, где, как реки, сливаются разные ее ипостаси. Пытаясь посмотреть со стороны на свои сказки и стереотипы, мы понимаем, что сторон так много, будто мы мчимся на карусели по кругу, а в центре – странная женская фигура, которая стара как мир, и мы лишь выхватываем обрывки связанных с ней ассоциаций и догадок. Вот ассоциация, возникшая благодаря «польской» Яге от Новик: ведь Яга – это форма имени Ядвига, а оно происходит от германского имени Hedwig (из др.-герм. hadu «бой», wig «сражение»). То есть Яга – дева-воительница, как валькирия, например. Внушавшая страх мужчинам, умевшая летать, как Яга у Валенте. Знающая вход в царство мертвых, в которое верили и древние греки. Которая живет где-то возле воды, как Яга у Арден, жена Черномора, и охраняет табун крылатых лошадей (в сказке «Иван-царевич и Марья Моревна» Яга живет «за тридевять земель, в тридесятом царстве, недалеко от моря за огненной рекой»¹³, где владеет табуном славных кобылиц). И эти разные Яги сливаются в какой-то смутный образ амазонки, степной всадницы, – гречанки или сарматки, «поленицы» из былин, одна из которых – Марья Моревна, другая – Василиса Микулишна, которая, как и Василиса у Арден, переодевается в мужскую одежду. И приходит понимание, что в образе Яги-воительницы отразились контакты славян, и, возможно, германцев (готов) с этими необычными женщинами с Черноморского или Азовского побережья, и страх перед ними, несущими смерть, и попытки оправдать свои поражения от них магией. Все главные героини рассмотренных произведений проходят путь от «девы в беде» до «девы-воительницы», которая способна не только помочь себе, но и спасти других.

---

¹³ <http://www.planetaskazok.ru/rusnarskz/mariamorevnaskz?start=2>

Соответственно, в большей или меньшей степени славянский образ Яги становится проводником феминистического мировоззрения, понятного американским читателям, и выступает помощницей героиням на пути их взросления.

Библиография:

1. Valente Ketrin, *Bessmertnyy*, Moskva 2018, s. 272 / Valente Catherynne M., *Deathless*, New York 2011, s. 352.
2. Novik Naomi, *Chashcha*, Moskva 2018, s. 640 / Novik Naomi, *Uprooted*, New York 2015, s. 464.
3. *Mar'ya Morevna* (skazka) / *Marya Morevna* (a fairy-tale). Tryb dostępu: <http://www.planetaskazok.ru/rusnarskz/mariamorevnaskz?start=2> [dostęp: 30.09.21].
4. Arden Katherine, *The Winter of the Witch* (*Winternight Trilogy* #3). Tryb dostępu: https://lovetreenovels.com/MostPopular/The_Winter_of_the_Witch_Winternight_Trilogy_3/page_39.html [dostęp: 30.09.21].
5. Bileta Teo, *An Insider's Guide to Slavic-Inspired Fantasy*, Tor.com, May 06, 2020. Tryb dostępu: <https://www.tor.com/2020/05/07/an-insiders-guide-to-slavic-inspired-fantasy/> [dostęp: 30.09.21].
6. Martiniuk Jill, *Vasilisa Visits America: The Rise of Slavic Folklore- Inspired Young Adult Literature in the U.S.*, NYU Jordan Center, September 07, 2020. Tryb dostępu: <https://jordanrussiacenter.org/news/vasilisa-visits-america-the-rise-of-slavic-folklore-inspired-young-adult-literature-in-the-u-s/#.YVIsF5hR1dg> [dostęp: 30.09.21].